

Вскоре муж крепко обнял его, заключив в тесное, согретое теплом объятие — в этот драгоценный маленький мир, где разливались сложные чувства.

Юань Фэйсин уткнулся ему в грудь с потрясённым лицом: [У-у-у-у... твою мать! Он, он, он и правда принял её!]

Система не удержалась и злорадно захихикала: [Ха-ха-ха-ха-ха! В конце концов, это же от чистого сердца любимого младшего братца~]

Юань Фэйсин был по-настоящему опечален. Глаза его увлажнились, и он тихонько заскулил: — Брат, ты действительно уходишь? Тогда когда же я снова смогу тебя увидеть?

Объятия Хэ Яо стали ещё крепче, он мягко погладил Юань Фэйсина по спине: — Сяо Цзя, жди меня, жди, когда я вернусь за тобой.

Юань Фэйсин тихонько мыкнул, затем медленно приподнялся из объятий, шмыгнув носом и произнес: — Брат, когда папа успокоится, пойдёшь к нему и признай свою вину. Ты ведь останешься моим братом, хорошо?

Как только Юань Фэйсин договорил, он мысленно пожаловался Системе: [Он взял мою карточку! Папа, я в этой жизни его не прощу!]

Система: [Пфф.]

Хэ Яо убрал со лба Юань Фэйсина выбившуюся прядь волос: — Сяо Цзя, я больше не буду обманывать себя. Моя привязанность к тебе — вовсе не братская.

У Юань Фэйсина покатались слезы: — Но ведь ты мой брат.

Хэ Яо поймал подушечкой пальца его пухлую нижнюю губу и тихо проговорил: — Сяо Цзя, тебе ведь неприятен мой поцелуй.

— Потому что... потому что ты мой брат.

Хэ Яо легко усмехнулся, словно снова превратившись в того властного стратега, что держит всё под контролем, и глухим голосом спросил: — А если бы тебя поцеловал Хэ Чжо?

Юань Фэйсин в замешательстве поднял взгляд и столкнулся с парой пронзительных чёрных глаз; уверенность, сквозящая во взгляде мужчины, заставила его сердце испуганно забиться.

Юань Цзя отступал шаг за шагом, а Хэ Яо наступал. Кадык Юань Фэйсина нервно дёргался. Он

действительно не мог представить, что было бы, если бы это сделал Хэ Чжо или кто-нибудь другой, кроме Хэ Яо...

Хэ Яо на самом деле не ждал ответа от Юань Цзя. Проведя подушечкой пальца по его виску, он легко, словно касание крыла бабочки, коснулся поцелуем межбровья Юань Фэйсина. Обжигающее дыхание само сплелось с его дыханием, словно охотничья сеть, брошенная на хрупкую маленькую добычу.

Юань Фэйсин был совершенно ошеломлен. Как раз когда он собрался проконсультироваться с Системой насчет блокировки чувств, Хэ Яо внезапно отстранился и откинулся на другой край кровати.

Его тёплая широкая ладонь переплелась с пальцами Юань Фэйсина. Нежную белоснежную руку притянули к губам, легко и нежно поцеловали, а спустя мгновение сдержанно и кротко произнесли: — Полежи со мной немного.

Сказав это, он рывком притянул его в свои объятия.

Рука Юань Фэйсина пришлась как раз на поясницу мужчины, и Хэ Яо глухо стоннул.

— Что такое? — Юань Фэйсин тут же оперся о кровать и приподнялся. — Брат, я тебя куда-то ударил?

Хэ Яо перехватил его руку и покачал головой. В его голосе послышалась нотка хрупкости, и он тихо произнес: — Уже почти зажило.

Юань Фэйсин мысленно сплюнул, думая про себя: раз ты так говоришь, я же теперь точно буду допытываться! Нахмурившись, он окинул Хэ Яо взглядом, полным участия, и спросил: — Живот?

Спустя секунду его осенило: — Это тот удар, который папа нанес на днях?!

При этой мысли Юань Фэйсин протянул руку и задрал край одежды Хэ Яо, после чего перед его глазами предстали изящно очерченные линии пресса и линии Адониса.

Юань Фэйсин:.....

Ему показалось, что от такой красоты у него сейчас ослепнут глаза: [Черт! Он же специально хвастается фигурой!]

Собравшись с мыслями, Юань Фэйсин заметил в косом направлении выше живота отчетливый синяк: в центре кожа была сине-фиолетовой, а по краям уже заметно побледнела, приобретя

неестественный серовато-желтый оттенок.

Юань Фэйсин легко коснулся его и мягко спросил: — До сих пор болит, если дотронуться? И что именно тогда повредило?

Хэ Яо взял его руку и положил себе на живот, с легкой улыбкой ответив: — Всё уже в порядке, но вот селезенка слегка кровоточит, так что с восстановлением придется повозиться.

Чем больше Юань Фэйсин слушал, тем сильнее хмурился. Видя его искреннюю заботу, Хэ Яо почувствовал себя невероятно радостно и слегка сжал его пальцы: — Полежи со мной еще чуть-чуть.

Вскоре дыхание обоих стало ровным и спокойным. Юань Фэйсин, устроившись на руке Хэ Яо, смотрел на его безупречно красивый в профиль Лик. Лишь во сне Хэ Яо снимал свою вежливую и мягкую маску. Его брови были сдвинуты, а уголки губ плотно сжаты, словно во сне его донимали бесконечные тревоги. Что же страшнее для Хэ Яо — реальность или сны? Юань Фэйсин вновь проникся к нему необъяснимой печалью и жалостью.

Он всегда думал, что отдает Хэ Яо достаточно любви, но, пожалуй, ничто не смогло бы искупить ту боль, которую принес вид выносимого тела матери. О событиях прошлой жизни он и вовсе не смел лишний раз думать — он давно перестал быть холодным и беспристрастным наблюдателем.

То ли разыграло сострадание, то ли мысли в голове спутались в клубок, а может, объятия Хэ Яо оказались слишком теплыми, но, пока Юань Фэйсин предавался раздумьям, он незаметно заснул. Когда же он проснулся, за окном уже зажигались огни, сгустились сумерки, а в комнате давно и след простыл Хэ Яо.

Юань Фэйсин тяжело вздохнул.

Система ехидно поинтересовалась: [Чего такое? Только ушел, а ты уже скучаешь?]

Юань Фэйсин: [Раз уж зашел такой разговор, я думал, перед уходом он устроит прощальный бэнг, чтобы я сорвал куш.]

Система: [? Ты изменился... Деньги разъели твою душу.]

Юань Фэйсин потянулся на кровати: [Деньги — это и есть моя душа, впрочем...]

Нарочно сделав паузу, Юань Фэйсин ехидно выдал: [Хе-хе-хе, я шучу, глупая Система.]

Система: [.....]

Стоило Хэ Яо уехать, как Хэ Чжо тут же занял его место. Причем причины этого оставались неясными, и подобные слухи, полные тайного смысла, всколыхнули всю Корпорацию Хэ.

Никто толком не знал, насколько жалко выглядел Хэ Яо при уходе, но Хэ Чжо, столько лет выжидавший в тени, наконец добился своего, и теперь они с Хун Маньшу выглядели поищем цветущими, шагали с высоко поднятой головой и излучали невероятную властность.

У Отца Хэ развилась довольно тяжелая сердечная недостаточность: предложенный врачами план лечения давал лишь пятидесятипроцентную выживаемость в течение десяти лет после операции, к тому же мог грозить тяжелым отторжением. Хун Маньшу советовала ему ограничиться консервативным лечением, но Отец Хэ принадлежал к числу тех людей, которых чем больше отговариваешь, тем упрямее они становятся.

К тому же он провел в величественном могуществе большую часть своей жизни, и теперь слабость во время болезни была для него невыносима с каждым днем. Если бы он выбрал консервативное лечение, ему пришлось бы так влачить жалкое существование до конца дней, с чем он никак не мог смириться.

Хун Маньшу чем больше отговаривала, тем упорнее он настаивал, решившись на операцию, чтобы «обрести новую жизнь». С виду Хун Маньшу казалась донельзя встревоженной и уже несколько раз пролила слезы перед Отцом Хэ. Молодые медсестры, ухаживавшие за Отцом Хэ, не могли смотреть на это без сочувствия и меж собой не раз шептались о том, что, оказывается, и в высшем свете бывает настоящая любовь — им уже под пятьдесят, а чувства все еще такие крепкие.

В конце концов, из-за упорства Отца Хэ операцию назначили на начало следующего месяца, и всё шло своим чередом в плановой подготовке.

Для младшего господина Юань Цзя ситуация дома перевернулась за одну ночь: даже Отец Хэ, глядя на него, не мог скрыть тоскливых вздохов. Что же до Хэ Яо, то, стоило ему уехать за границу, как он словно растворился в воздухе — связь с ним полностью пропала.

Прежняя жизнь Юань Фэйсина целиком и полностью вращалась вокруг Хэ Яо, что было совершенно нормально для исполнителя задач, которому предстояло спасти Хэ Яо. Так что, когда Хэ Яо вычеркнули из его жизни, его собственный мир словно опустел за одну ночь.

Он не знал, что затевает Хэ Яо, и не знал, когда именно наступит тот момент, о котором говорилось в фразе «жди, когда я вернусь». К тому же, зная сюжет прошлой жизни, Юань Фэйсин в последнее время, глядя на Хэ Чжо и его мать, неизменно ловил себя на мысли, что у тех на лицах написана абсолютная уверенность в победе.

Сам же Юань Фэйсин на людях продолжал изображать ничего не смыслящего младшего господина, изредка демонстрируя легкую печаль по поводу отъезда Хэ Яо, хотя в душе панически боялся. Он даже всерьез задумывался: а не взять ли всё в свои руки?

Доказать Отцу Хэ, что у Хун Маньшу с сыном злоумышленные намерения, подбить Отца Хэ прикончить их, унаследовать Семью Хэ, а потом просто взять и вернуть её Хэ Яо? Но этот путь слишком сильно расходился с его первоначальным планом, и он горько сожалел, что поставил всё на одну карту по имени Хэ Яо.

Теперь оставалось лишь беспомощно наблюдать за тем, как Хун Маньшу разыгрывает свой спектакль, проявляя во время лечения Отца Хэ предельную заботу и заставляя того растрогаться до глубины души. Всё выглядело так, будто на старости лет он наконец-то познал истинную любовь и понял, что все эти годы рядом была только она одна, не покинувшая его в беде.

Юань Фэйсин находил это запредельно нелепым, полагая, что тяжелая болезнь окончательно лишила Отца Хэ рассудка.

Он думал: в молодости Отец Хэ был богат и хорош собой, так что, возможно, какая-то искра любви там и мелькала, но какое чувство способно выдержать обращения с собой со стороны этакого мерзавца? К тому же Отец Хэ запустил форму: заплывший жиром пивной живот, отталкивающая внешность, а после болезни еще и стал вспыльчивым и раздражительным. Единственное, что заставляло Хун Маньшу оставаться рядом — это миллиардное состояние за его спиной.

Этакое праздное и тревожное существование Юань Фэйсина продолжалось до тех пор, пока конкурс Крылья Звезды не перевалил за экватор. Его предплечье заживало неплохо, но пока он мог выполнять лишь самые простые упражнения для реабилитации.

Шэнь Цзямин велел ему опубликовать пост о выходе из шоу. Юань Фэйсин подумал и в самом конце приписал строчку про Су Чэньюя, выразив надежду, что фанаты, любящие его самого, смогут распространить свою симпатию и на Су Чэньюя, поддержав того голосом.

Хотя между ним и Су Чэньюем поначалу возникали неловкие моменты, они всё же косвенно прояснили ситуацию, недоразумение разрешилось, и отношения вернулись в прежнее русло. В отличие от него самого, ленивой рыбы, Су Чэньюй шел на взлет с самого начала, стремительно набирая армию поклонников, и головокружительный успех был не за горами — его звездный путь складывался куда более гладко, чем по первоначальному сюжету.

Написав пост, Юань Фэйсин сначала отправил его на проверку Шэнь Цзямину. Тот спустя некоторое время прислал в ответ цепочку многоточий, а затем сразу же позвонил. Голос Шэнь Цзямина звучал с некоторым колебанием; вздохнув, он спросил: — Сяо Цзя, ты часом и впрямь не увлекся Чэньюем?

Юань Фэйсин: — Чего?

Твою ж мать, неужели в этом мире не существует чистой дружбы?! Что не так с этими людьми, почему все как один задают такие вопросы?! Юань Фэйсин с крайним раздражением отозвался: — Шэнь-гэ, о чем ты вообще думаешь? Мы с Чэньюем просто очень хорошие друзья!

Шэнь Цзямин на мгновение замолчал: — Ну ладно, раз так, публикуй этот пост. Но если вдруг — я говорю, на всякий случай, — что-то пойдет не так, обязательно предупреди меня заранее, чтобы я успел подстелить соломки.

Юань Фэйсин впервые столкнулся с тем, чтобы фразу «Да ты бредишь» заворачивали в столь вежливую обертку: —.....

Стоило ему выпустить новость о выходе из шоу, как в комментариях поднялся всеобщий стон. Но, судя по всему, уход уже казался решенным делом, да и Юань Фэйсин после травмы отошел от дел, не выказывая ни малейшего намерения продолжать борьбу ради популярности. Фанаты уже смутно догадывались об этом, поэтому приняли новость относительно спокойно.

Помимо сожалений о его уходе, куда больше людей желали ему скорейшего выздоровления и возвращения к работе. Впрочем, очень скоро тональность комментариев изменилась. Интересы аудитории оказались поразительно схожи с позицией Шэнь Цзямина, а армия поклонников пейринга пылких фанатов зашла в экстазе от радости и праздновала победу!

В душе Юань Фэйсина воцарилось удушливое отчаяние — он окончательно разочаровался в мире, где каждый норовит увидеть гомосексуальный подтекст во всем подряд.

Однако от скуки он все же уселся на диван и начал листать комментарии. Первые места в топе быстро захватили любители шипперить. Среди воплей тех, кто активно умилялся придуманной романтике, Юань Фэйсин внезапно обнаружил ту самую совместную фотографию, которую выкладывал ранее.

Снимок подвергся чудовищной цифровой обработке: изначально они с Хэ Яо просто стояли плечо к плечу, улыбаясь в камеру, но теперь их взгляды искусно развернули друг к другу, а рты вытянули узкими трубочками, похожими на хоботки комаров, так что они, не соприкасаясь в реальности, застыли в воздушном поцелуе, и их красивые лица полностью исказились.

К фотографии прилагался комментарий: «Эмм... тут есть кто-нибудь, кто шипперит братский пейринг?»

Ниже обнаружилось немало поддерживающих откликов:

«Брат и младший братишка смотрятся просто идеально! Судя по всему, в их парочке младший — типичный пассивная сторона, интересно, кто же актив?»

«У моего друга возникла дерзкая идея: старший брат — абсолютный тош! Представьте себе сэндвич!»

«Ох ты ж блин! Дайте ручку! Я хочу это видеть! Ам-ам!»

В голове Юань Фэйсина пронеслись самые разные картинки, отчего его лицо мгновенно вспыхнуло. Он тут же погасил экран телефона, подумав про себя: с каких это пор у

молоденьких девчонок фантазия стала заходить так далеко!

Ближе к концу месяца Юань Фэйсин наконец дождался звонка от Хэ Яо! Низкий голос мужчины звучал все так же приятно, и Хэ Яо с легкой улыбкой спросил его: — Я скоро возвращаюсь. Ты не хочешь меня встретить?

Юань Фэйсин оживился: [А вернет ли он мне карточку?!]

Система: [Мечтать не вредно.]

Ранним утром, когда Юань Фэйсин садился в машину, он нос к носу столкнулся с сияющим Хэ Чжо. В прошлой жизни главный герой, наделенный сюжетной броней, на этот раз оказался полностью раздавлен Хэ Яо. Теперь же, когда Хэ Яо изгнали из Семьи Хэ, Хэ Чжо каждый день сиял от счастья. Увидев его, он приветливо улыбнулся и, положив руку на дверцу машины, спросил: — Сяо Цзя, ты куда это собрался?

Юань Фэйсин не умел врать, но и говорить о возвращении Хэ Яо ему не хотелось, поэтому на мгновение его взгляд забежал: — Я... я еду к другу погулять.

Кроме Су Чэньюя, у него практически не было друзей, а Су Чэньюй как раз готовился к выступлениям на Крыльях Звезды.

Хэ Чжо прекрасно всё понимал, но вида не подавал. Улыбка не сходила с его лица, он кивнул, а перед самым закрытием дверцы не к месту бросил на прощание: — Сяо Цзя, счастливого пути.

Юань Фэйсин непонимающе похлопал ресницами и в ответ кивнул: — И тебе, второй брат.

Хэ Яо: Мне так больно, я просто притворяюсь.jpg

Малыш Юань: (сплошная нецензурная брань)

.

Хе-хе-хе, добрый вечер, ребятки! Спасибо за комментарии милашкам! За мины! За питательные жидкости! Всем проходящим мимо — моя благодарность! Чмок-чмок~ Всех растрепал по макушкам.

<http://bllate.org/book/22181/2311227>